

DOI 10.25712/ASTU.2518-7767.2018.01.008

УДК 75.047:7.071.1БОГАЕВСКИЙ(470+571) “1872/1943”

ДРЕВНЯЯ КИММЕРИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ КОНСТАНТИНА БОГАЕВСКОГО

Филиппова Ольга Николаевна
Искусствовед, член Ассоциации
искусствоведов.
Россия, г. Москва.
iscusstvo0891@mail.ru

Аннотация

Известный русский художник, заслуженный деятель искусств РСФСР К.Ф. Богаевский (1872-1943гг.) вошел в историю нашего искусства как выдающийся мастер пейзажной живописи. Неповторимая оригинальность произведений К.Ф. Богаевского отличала его от других пейзажистов, работавших в конце XIX– начале XX века. Он стал создателем героико-романтических картин, посвященных преимущественно восточному побережью Крыма – легендарной стране Киммерии. Источником вдохновения художника служили виды окрестностей древних крымских городов – Феодосии, Керчи, Судака, Бахчисарая.

Ключевые слова: художник К.Ф. Богаевский, мастер пейзажной живописи, Древняя Киммерия, художественный поэтический образ природы.

Библиографическое описание для цитирования:

Филиппова О. Н. Древняя Киммерия в творчестве Константина Богаевского // Искусство Евразии. – 2018. – №1(8). – С. 73-84. DOI: 10.25712/ASTU.2518-7767.2018.01.008. [Электронный ресурс] URL: <https://readymag.com/u50070366/975779/08-2018-filippova/>

Биография художника оказалась в какой-то мере нетипичной для эпохи, но она необычайно органично сплелась с его воззрениями на реальность, с его представлениями о творчестве. Константин Федорович Богаевский родился 12 января 1872 года в городе Феодосии. Его отец – Федор Константинович Богаевский – уроженец Украины, служил в казначействе города. Воспитанием детей в семье занималась мать К.Ф. Богаевского, Александра Михайловна, женщина малограмотная, но с живым и пытливым умом, большая рукодельница, хорошая хозяйка. В 1878 году Александра Михайловна со своими сыновьями уехала в глубь Крыма, поселилась около женского монастыря «Топлы», в гористой местности, среди прекрасных лесов [1, с. 81]. На мальчика сильное впечатление произвела дикая природа Крыма, громадные дубы-великаны, крутые склоны гор, густые заросли кустарника. Уже в раннем детстве в душе мальчика пробудилась любовь к природе. Вскоре после возвращения в Феодосию К.Ф. Богаевский попал в дом богатого горожанина И.Е. Шмитта и впоследствии стал его приемным сыном. Семья Шмитт любила музыку, искусство и была тесно связана с

художественным миром города. Очагом культуры тут в то время был дом знаменитого художника-мариниста И.К. Айвазовского.

Осенью 1881 года К.Ф. Богаевский поступил в классическую гимназию, и в это время И.Е. Шмитт устроил ему уроки у художника А.Ф.Фесслера, искусство которого сложилось под воздействием И.К. Айвазовского. А.Ф. Фесслер обращает внимание И.К. Айвазовского на одаренного мальчика, и тот разрешает К.Ф. Богаевскому посещать свою галерею и копировать картины. Иногда сам И.К. Айвазовский приходил и, остановившись за спиной мальчика, наблюдал его работу. В 1885 году умер А.Ф. Фесслер, и К. Ф.Богаевский, оставшись без руководителя, продолжал заниматься самостоятельно. Из окон дома И.Е. Шмитта открывался чудесный вид на рыночную площадь – пеструю, шумную, заваленную горами полосатых арбузов, желтых дынь, краснобоких яблок... Не менее красочна была и толпа торговцев, мужчин и женщин, наряженных в яркие одежды.

Костю привлекали стоящие на базаре, у специальной изгороди, горбатые верблюды, буйволы, неуклюжие понурые волю, стройные тонконогие козы, курчавые бараны. Устроившись на подоконнике дома, он делал с них многочисленные рисунки и наброски. Уже в этих самых ранних рисунках К.Ф. Богаевского поражают особая острота взгляда, чувство пропорции, четкость и выразительность линий.

Будучи еще гимназистом, К.Ф. Богаевский пытался делать и первые пейзажные зарисовки с натуры. После окончания гимназии, в 1892 году, К.Ф. Богаевский едет в Петербург и поступает в Академию художеств, в мастерскую профессора А.И.Куинджи, который к этому времени был прославленным художником, автором картин: «Ночь на Днепре», «Березовая роща», «Дубы», покоряющих зрителя совершенно новым «звучанием» красок [1, с. 82]. А.И. Куинджи стремился развивать в своих учениках любовь к природе, натуре, часто он собирал студентов вокруг себя и беседовал с ними.

В становлении и развитии творческого пути К.Ф. Богаевского уроки А.И. Куинджи имели большое значение. Впоследствии Константин Федорович не раз с благодарностью вспоминал о своем учителе: «Влияние на всех нас А.И. Куинджи, как художника и человека, – было огромно. Он-то, главным образом, и внушил нам любовь к природе, ее внимательному изучению и потом ее творческому преобразению в картину» [6, с. 21]. Реалистические основы искусства, воспринятые К.Ф. Богаевским от А.И. Куинджи и других художников-реалистов, творчеством которых он увлекался в молодости, помогли ему в период заблуждений и исканий вовремя осознать свои ошибки, найти правильный путь.

После окончания академии К.Ф. Богаевский вернулся в родной город Феодосию и навсегда связал свою жизнь и творчество с Крымом. Со временем перед художником еще явственнее, осязательнее раскрылось величие крымской природы.

К тридцати годам он исходил и изъездил почти всю восточную часть полуострова от Керчи до Алушты, открывая для себя новые и новые памятники старины. Приезжая с друзьями в Керчь, К.Ф. Богаевский не раз поднимался на гору Опук, где проходил древний «Оскандров вал», а внизу у моря лежали развалины города Киммерикона, построенного еще во втором веке до н.э. [1, с. 82].

Сама гора Опук, поднимающаяся над степной равниной и солеными озерами, не раз становилась объектом зарисовок художника, как и дикие остробокие «скалы-корабли» – остатки гор, в далекой древности погрузившихся в море [1, с. 83]. Часто бывал К.Ф. Богаевский в старом поселке восточного побережья Крыма Судак (Сурож), где в XIII-XIV веках были построены мощные оборонительные стены и башни, хорошо сохранившиеся до наших дней, и где любого человека, а тем более художника, не могла не

волновать живопись природы в сочетании с прекрасными и грозными сооружениями далеких лет. Любил К.Ф. Богаевский также посещать окрестности Бахчисарая со средневековым городищем Чуфут-Кале и пещерными городами Тепе-кермен, Качи-кален. Но самой близкой сердцу художника была его старая Феодосия с холмистыми невысокими берегами, покрытыми выжженной травой, плоской «Лысой» горой, глиняными домишками, кривыми улочками, древними сооружениями [1, с. 83].

История родной земли, ее пейзаж, быт предков, дивные сказы, былины, легенды – всегда привлекали к себе многих художников. Русская старина нашла свое отражение в произведениях В.И. Сурикова, В.М. Васнецова, М.А. Врубеля, А.П. Рябушкина, М.В. Нестерова, В.А. Серова, каждый из которых по-своему решал эту богатую содержанием тему. Таким образом, под воздействием своих ранних впечатлений от древних памятников Крыма и несомненного влияния со стороны товарищей в годы студенчества у К.Ф. Богаевского появляется интерес к исторической теме, и в своем творчестве он обращается к историко-эпическому пейзажу.

Необходимо отметить, что в своих исторических пейзажах К.Ф. Богаевский наделяет картины далекого прошлого земли глубиной личного чувства, создает художественный поэтический образ природы. Таковы его картины: «Древняя крепость» (1902), «Старый город (Мертвый город)» (1902), «Ночь у моря» (1903) и другие [1, с. 83].

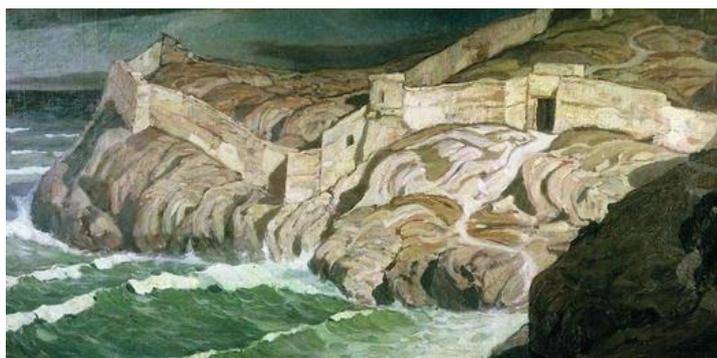

Рис. 1. К.Ф. Богаевский. Древняя крепость. 1902 г. Х., м., 99,0 x 193,0 см. Феодосийская картинная галерея им. И.К. Айвазовского.

Рис. 2. К.Ф. Богаевский. Ночь у моря. 1903 г. Х., м., 109,0 x 144,5 см. Саратовский государственный художественный музей имени А.Н. Радищева (бывшее собрание И.П. Свешникова, Москва).

В картины 1902-1904 годов К.Ф. Богаевский ввел динамические ракурсы. Он обобщил цвет до локальных цветовых пятен, наращивая одновременно его интенсивность. Подобные натурные перевоплощения способствовали выражению идеи вечности, неизбежности лика земли, как бы сдерживающей время, жизнь, развитие. Земля словно замерла, она осталась такой же неизменной и вечной, как неизменны волны, с древнейших времен накатывающиеся на берег. Циклопически твердое и неизбежное горное побережье с каменной крепостью, хранящей следы упорного труда людей, кажется, не меняло своего облика на протяжении столетий. К.Ф. Богаевский созидал миф о крушении культур. Этот пессимистический пафос составлял этическую идею его творчества, выраженную в символическом образе. Мышление художника титанично, масштабно, вместе с тем оно подвержено влиянию стиля модерн и составляет оригинальный сплав уникального и стилистически типичного.

Картина, открывающая «киммерийский» цикл – «Последние лучи» (1903), – едва ли не самое «красочное» полотно в творчестве К.Ф.Богаевского [7, с. 10].

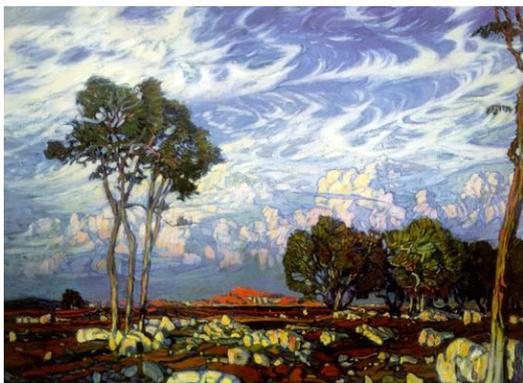

Рис. 3. К.Ф. Богаевский. Последние лучи. 1903 г. Х., м., 98,5 x 135,5 см. Севастопольский художественный музей им. М.П. Крошицкого (бывшее собрание Г.Р. Бидермана, Хоста).

Рис. 4. К.Ф. Богаевский. Звезда полярных. 1907 г. Х., м. Погибла. Значится в каталоге выставки Нового общества художников (Пб., 1908) и в каталоге выставки Московского товарищества художников (М., 1908). Воспроизведения: Аполлон, 1912, №6.

По стилистике она напоминает произведения Поля Гогена, и не только своей интенсивной цветностью, но и «гогеновским» экзотичным образом неведомой южной страны [7, с. 10]. Открытый малиновый цвет каменистой земли словно раскален солнцем, длинные фиолетовые тени пересекают сожженное плато, внося беспокойство своей прихотливой игрой. Оранжевым цветом воспламенены деревья, их силуэты отчетливо читаются на темно-сиреновом небе, клубящемся у горизонта розовыми облаками.

Небо – это своеобразный «град Китеж», особый прекрасный мир, своего рода экзотичный мираж, растворяющийся в высоких перистых облаках светло-голубого горизонта [7, с. 11]. Небу художник придает особое значение: он не только нагромождает облака, будто возлежащие на фиолетовом плоскогорье, но выделяет их необычайно низкой перспективой, благодаря которой и небо, и предметы первого плана (голые камни и кустистые деревья) приобретают особый смысл. Они – знаки-символы, они – лицо этой неведомой земли.

Неожиданно разразившаяся русско-японская война внесла смущение в тихое феодосийское общество. К.Ф. Богаевский был призван в армию и определен прапорщиком в Керченский гарнизон. В октябре 1904 года он писал ближайшему другу К.В. Кондаурову (1865-1930 гг.) о службе в Керченской крепости, а двумя месяцами раньше сообщал об этом же А.А. Рылову. Очевидец свидетельствует: «Держал себя, как всегда, с величайшим достоинством, ни жалоб, ни бесполезных сетований. А оторвали от самой горячей работы» [7, с. 11]. Сразу после демобилизации в 1906 году К.Ф. Богаевский женился на Жозефине Густавовне Дуранте (1879-1969 гг.).

Он с большим трудом вновь обретал творческий тонус, хотя впечатлений и замыслов, сложившихся за время армейской службы, было немало. Смерть брата жены, в короткое время ставшего ему другом, наслонилась на годы «заключения» в Керченской крепости, на долгие месяцы одиночества и изолированности от привычной духовной среды [7, с. 11]. Неудивительно, что К.Ф. Богаевский создал вслед за этими событиями серию картин, где проявилось его новое отношение к миру, другая философия, отягченная постигшими его бедами. Разгадку новых картин отчасти дают строки его письма: «Небо

забыло человека, чужое и далекое, оно светит ему свысока» [7, с. 11]. В это время художник осознал зависимость судьбы человека от мироздания, понял несоизмеримость двух величин, отчужденность человеческой жизни от бытия огромного неба, от небесных светил. Центральное произведение этого периода – «Звезда Полярная» (1907); в нем сконцентрировались философия художника, его отношение к жизни, его миропонимание, его излюбленные размышления [7, с. 12].

Звезда Полярная (рис. 4) – это апокалиптический сюжет, олицетворенный символ ужаса. Второй ближайший друг К.Ф. Богаевского – М.А. Волошин (1877-1932 гг.) добавлял – символ познания и магии. У кого из друзей ранее появился этот образ, сказать трудно; несомненно только, что тема эта была общей для них обоих. Вероятно, что в своих беседах они рисовали себе этот образ. Написав стихотворение «Полярная», М.А. Волошин посвятил его К.Ф. Богаевскому [7, с. 12]. Несмотря на явную переключку образов поэзии М.А. Волошина и живописи К.Ф. Богаевского, они имеют существенные различия. Поэтический образ одушевляет звезду, почти очеловечивает ее «госкующую душу» [7, с. 12]. Полярная у художника льет на землю мертвящий ужас. Остановилось время, будто звезда появилась из вневременного пространства и опалила острыми лучами каменные дома современного города. В мире установилась тягостная неподвижность магического света Полярной. Под ее разящими лучами все живое скрылось и исчезло. Осталась только каменная земля, будто ровесница звезды, подверженная каре жгучих лучей.

Вариации на тему карающего неба и грешной земли присутствуют и в двух других замечательных полотнах – «Солнце» (1906) и «Генуэзская крепость» (1907) [7, с. 13].

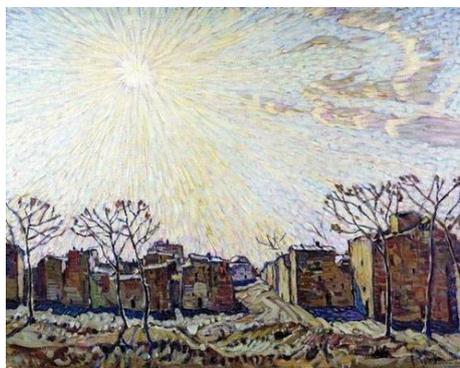

Рис. 5. К.Ф. Богаевский. Солнце. 1906 г. Х., м., 111,0 x 138,0 см. Вологодская областная картинная галерея (Вологда).

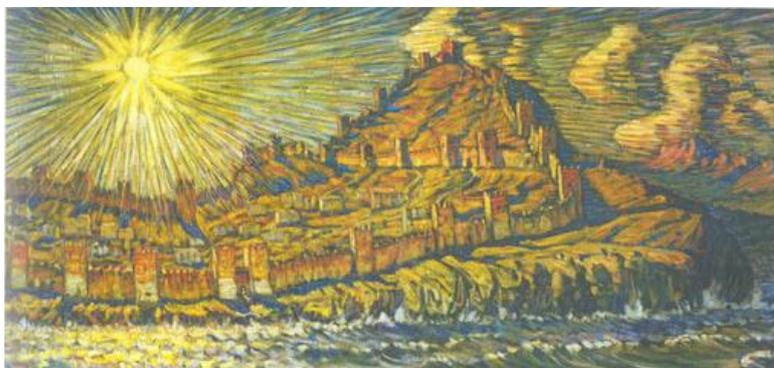

Рис. 6. К.Ф. Богаевский. Генуэзская крепость. 1907 г. х., м., 80,0 x 173,0 см. Пермская государственная художественная галерея (бывшее собрание В.О. Гириман, Москва).

Один и тот же мотив раскаленного солнца или расплавленной звезды, исторгающей на землю испепеляющие лучи, потребовал здесь нового живописного решения. Мир К.Ф. Богаевского суровый и драматичный. Человеческая жизнь, как и жизнь земли, – это нечто незначительное в масштабе вечного времени. Мышление художника обретает планетарные масштабы. К.Ф. Богаевский пренебрегает мелочной суетой современности и хочет обозреть мир в свете вечности. Прозаическое демонстративно противопоставлено возвышенному. Художник поднимается над суетной действительностью ради осознания вечности, преображенной им в образах внеисторического, символического характера.

Кажется неожиданным, что в 1907 году К.Ф. Богаевский изменил творческие ориентиры. Из его искусства исчезли «терзания» земли, они сменились миром тихой гармонии, будто Крым повернулся к художнику другой стороной, ранее им не замечаемой [7, с. 13]. И,

действительно, новый цикл картин: «Тихая равнина» (1907-1908), «Раннее утро» (1908), «Пейзаж» (1908), «Пейзаж со скалами» (1908), «Южная страна. Пещерный город» (1908), «Поток. Фантастический пейзаж» (1908) и другие – совсем по-иному воплощают представления художника о райской земле, о которой так хорошо мечталось в новой мастерской, с удовольствием благоустроенной К.Ф. Богаевским [7, с. 13]. М.А. Волошин назвал этот цикл картин «Золотым веком» [7, с. 13].

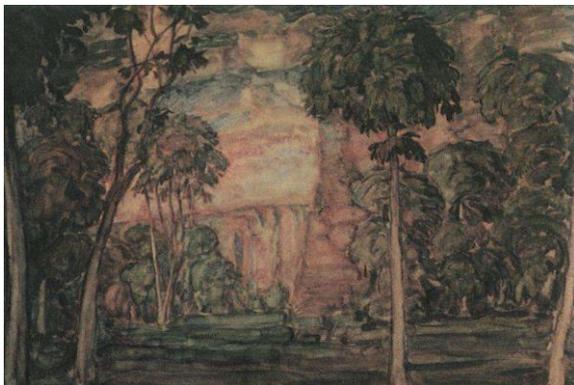

Рис. 7. К.Ф. Богаевский. Пейзаж. 1908 г. Бумага на картоне, акварель, итальянский кар., 33,0 x 48,8 см. Государственный музей изобразительных искусств им А.С. Пушкина (Москва)

Рис. 8. К.Ф. Богаевский. Южная страна. Пещерный город. 1908 г. Х., м., 143,0 x 179,0 см. Севастопольский художественный музей им. М.П. Крошицкого (бывшее собрание С.О. Цейтлина, Москва).

Рис. 9. К.Ф. Богаевский. Поток. Фантастический пейзаж. 1908 г. Х., м., 125,0 x 170,0 см. Самарский областной художественный музей (бывшее собрание Б.О. Гавронского, Москва).

Поездка в Германию, Италию, Грецию очень существенна в биографии К.Ф. Богаевского. По письмам можно судить о меняющихся взглядах на старое и современное искусство. Письма интересны и тем, что дают возможность проследить, как рождались новые замыслы художника, как исподволь возникали в его сознании образы, воплощенные позднее, уже по возвращении в Феодосию. Путешествие в Италию стало неким камертоном, по которому художник настраивал свое искусство. Он стал грезить Италией, начал писать большие холсты на темы райской земли, страны величайших мастеров искусства. М.А. Волошин так охарактеризовал этот этап творчества К.Ф. Богаевского: «По римской Кампанье он проходит, сопровождаемый Н. Пуссеном» [7, с. 19].

Влияние Н. Пуссена ощутимо в акварельных работах «Киммерийские сумерки», «Героический пейзаж» и другие [7, с. 19]. Оно перемежалось с воздействием К. Лоррена, стилистика и образный мир которого просматриваются в картинах: «Воспоминание об

Италии» (1910), «Итальянский пейзаж» (1911), «Корабли (Вечернее солнце)» (1912) и др. [7, с. 19].

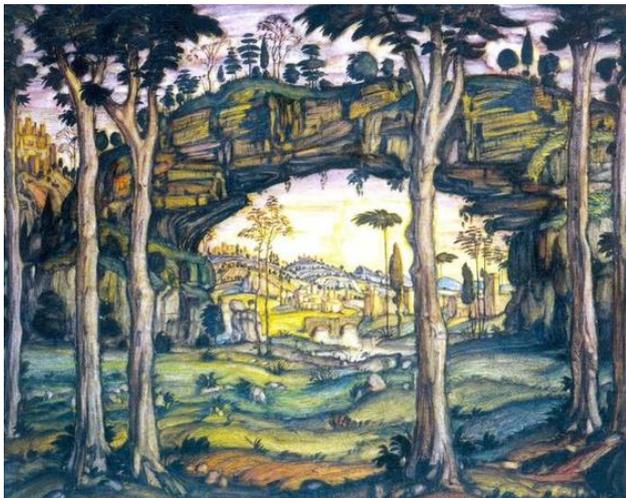

Рис 10. К.Ф. Богаевский. Итальянский пейзаж. 1911 г. К., акв., пастель, 69,7 × 83,5 см. Феодосийская картинная галерея им. П.К. Айвазовского.

Рис 11. К.Ф. Богаевский. Итальянский пейзаж. 1911 г. К., акв., пастель, 69,7 × 83,5 см. Феодосийская картинная галерея им. П.К. Айвазовского.

В двух первых работах художник прямо заимствовал лорреновские сюжеты. Итальянский пейзаж с руинами, элегическое восприятие античных древностей, столь свойственные К. Лоррену, словно переносятся в произведения К.Ф. Богаевского. Однако, несмотря на идентичность сюжетики, есть и существенное отличие русского мастера от французского.

Гармоничный образ древней итальянской земли у К.Ф. Богаевского как бы вторичен, он пропущен сквозь восприятие искусства классицизма. Легкая грусть, появляющаяся в мечтаниях К. Лоррена о гармоничной жизни, перевоплотилась в картинах К.Ф. Богаевского в воспоминания о прекрасном искусстве и прекрасной жизни. Эти два художника мечтали о гармонии в разные исторические эпохи. Одному из них был ведом первородный образ другого.

Картина К.Ф. Богаевского «Воспоминание о Мантенье» (1910) – это дань восхищения художника мастерами Возрождения [7, с. 21].

Рис. 12. К.Ф. Богаевский. Воспоминание о Мантенье». 1910 г. Х., м., 109,0 × 171,0 см. Государственная Третьяковская галерея (Москва).

В ней соединились несколько идейно-тематических версий: идея земного блага, идея планетного одиночества земли, идея ее разрушения, ее старости и мудрого спокойствия, идея обетованной земли, каковой обычно представлялась художнику Киммерия. Все вошло в картину и целостно спаянно в ней. «Золотой век» человечества предстал на сей раз в облике произведений итальянского Ренессанса [7, с. 21]. Одновременно с «Воспоминанием о Мантенье» К.Ф. Богаевский работал над четырьмя другими картинами: «Киммерийская область», «Итальянский пейзаж», «Воспоминание об Италии» и «Вечернее облако», которое впоследствии стало называться «Корабли (Вечернее солнце)» (1912) [7, с. 22]. Художник писал: «Из них только одну я считаю хорошей, остальные посредственные. Сейчас я пишу пяту, и я ее особенно люблю и хочу ее послать в Париж» [7, с. 22].

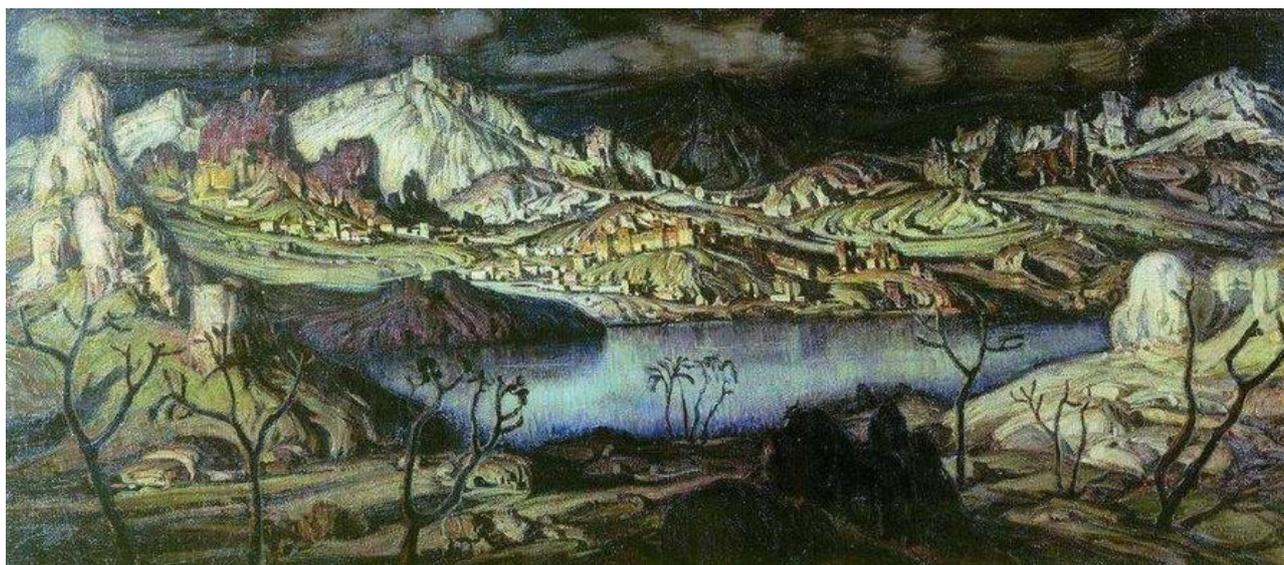

Рис 13. К.Ф. Богаевский . Киммерийская область. 1910 г. Х.. м., 92,0 x 198,0 см. Серпуховский историко-художественный музей (бывшее собрание М.П. Рябушинского, Москва).

Отношение к картине по мере ее завершения заметно менялось: «Довольно дикая вещь эта моя картина, и называется она «Подражание Мантенье» или «Посвящение Мантенье» [7, с. 23]. «Мантеньевским» работам К.Ф. Богаевского присуще одно свойство, не характерное для творений мастеров Высокого Возрождения: произведение оставляет впечатление некоего несовершенства, хотя видимых несовершенств незаметно. Дело в том, что глубокие философские размышления о жизни начинают снижаться, словно подменяясь декоративностью исполнения. Декоративность, подчеркнутая сознательной стилизацией в духе ренессансных образцов, придает картинам художника оттенок красоты, элитарного вкуса, что в совокупности «снимает» безупречную серьезность философского раздумья [7, с. 23].

Что касается пластической цельности полотна «Воспоминание о Мантенье», то стилизация в духе Ренессанса проведена вполне последовательно [7, с. 23]. Цветовая гамма приведена к гармонии холодных тонов, кое-где разбавленных теплыми, безупречно выдержан несколько наивный язык исполнения. Трогательные «кватрочентистские» облачка, изящно субтильные перуджиновские деревья, сказочно-фантастическая панорама земли – все эти элементы ренессансной образности вписались в цельный образ стилизованных картин К.Ф. Богаевского [7, с. 23].

Кажется, что литография – это особая область творчества К.Ф. Богаевского. В действительности, она неотделима от других видов его деятельности, благодаря пронизывающей все его искусство теме мироздания. В 1923 году вышел в свет альбом литографий К.Ф. Богаевского, который пользовался большим успехом в СССР и за границей. Основная тема рисунков – это историческое прошлое Крыма. Автор, прежде всего, стремился передать свое восприятие природы, показать величие земли, ее суровую красоту и разнообразие. В листах: «Судак», «Ночь», «Горный пейзаж», «Древняя земля», «Пирамиды» и др. К.Ф. Богаевский добивается большей четкости, продуманности, уравновешенности [1, с. 89]. Нет ничего лишнего, ничего случайного, все подчинено передаче настроения.

В своих размышлениях художник неизменно отталкивался от натурального материала. Его зарисовки 1922-1923 годов, исполненные сангиной и углем, точны, метки, свободны в передаче пространства и учитывают освещенность и удаленность планов. Несмотря на такую же, как в литографиях, заостренность рисунка, зарисовки более жизненны, эмпирически достоверны. В рисунке «Пейзаж. Горы» (1923) острые, как лезвия, очертания скал выполнены безукоризненно точно [7, с. 34]. Живой рисунок лишен условности и отвлеченности литографического штриха. В нем рельефно выделяются скалистая поверхность крымских гор и редкие деревья, зацепившиеся за скалы.

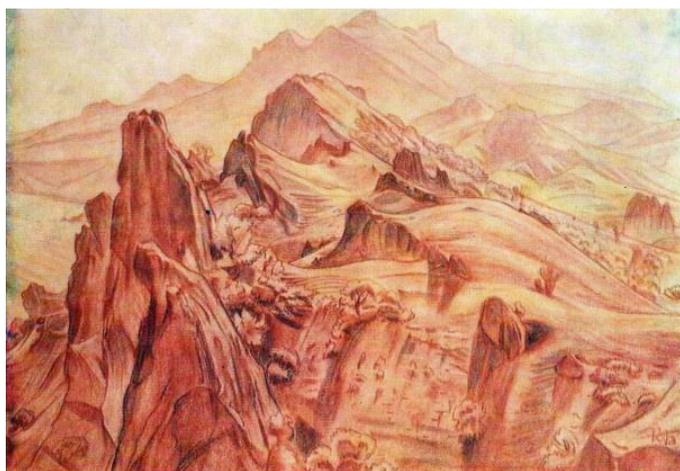

Рис. 14. К.Ф. Богаевский. Пейзаж. Горы. 1923 г. Б., сангина, 34,0 x 48,0 см. Государственная Третьяковская галерея (Москва).

Рис. 15. К.Ф. Богаевский. Феодосия. 1926 г. Х, м., 82,0 x 145,0. Феодосийская картинная галерея им. П.К. Айвазовского.

Рис. 16. К.Ф. Богаевский. Крымский пейзаж. 1930 г. х., м., 108,0 x 152,0 см. Феодосийская картинная галерея им П.К. Айвазовского.

В 1926 году К.Ф. Богаевский окончил живописное полотно «Феодосия», которое передавало не только личные настроения художника, но и нечто более общее – это мировосприятие старой русской интеллигенции, не всегда легко адаптирующейся к новой действительности [7, с.36].

Изображен как будто реальный город, современная Феодосия, но незначительные добавления к изобразительному мотиву: здание, похожее на греческий храм, что возвышается над городом, как Акрополь, форсирование графического начала, благодаря чему небо, покрытое тучами, обретает повышенную эмоциональность, «рваный» силуэт города, скалы и высокие здания которого «взрезают» грозное небо, преувеличенно темный колорит – вся эта гармония единых живописных средств создает суровый образ города, вызывающий в памяти полотна Эль Греко (1541-1614 гг.) [7, с. 36].

И если темная цветовая гамма рождает суровое настроение пейзажа, то ломаные линии очертаний холмов, острые голые деревья внушают беспокойство. В картине много пластических метафор, свойственных романтическим образам: утрированно темный цвет неба, внушающий грозные предчувствия, нервные зигзаги изрезанного каменистого склона, словно морщины на лице гор, дробный ритм четко очерченных объемов домов, сгруппированных в плотную, нераздельную массу вокруг высокого здания в центре города. Эти метафоры – намеки на скрытый смысл, стоящий за сюжетом, – составляют образную суть произведения. «Феодосия» – это одно из самых сильных произведений К.Ф. Богаевского [7, с. 36]. Картина содержит много конфликтного, присущего трагедийному сознанию общества 1920-х годов. В этом смысле она вливается в поток драматических произведений советского искусства, оформившийся как направление несколько позже в творчестве А.А. Дейнеки, П.Д. Корина и других художников советской России, осознающих исторический процесс как тяжкий путь не только завоеваний, но и утрат. Примечательно, что в этом процессе самоопределения тенденций, связанных с различным мироощущением, К.Ф. Богаевский в пейзаже раньше, чем кто-либо в других жанрах, осмыслил драматические коллизии времени.

К 1930 году относится «Крымский пейзаж», представляющий образ земли, полной гармонии и умиротворения [7, с. 37].

Каждый из компонентов картины: скалистые горы, кустистые развесистые деревья, ясное море, мельничная постройка и водопад, имеющие весьма конкретные прототипы в Крыму, будучи соединены вместе, рожают необычный облик неведомой страны, напоминающей Крым лишь отдаленно. Из писем К.Ф. Богаевского следует, что он специально выезжал на этюды писать необычные деревья с развесистыми пышными кронами, произраставшие лишь в единственном уединенном месте. Накопленный материал уникальных и совершенных образцов природы гармонично сплавляется в картине в образ благостной страны. К.Ф. Богаевский – прекрасный колорист. «Крымский пейзаж» обладает широкой красочной палитрой: перламутровое небо и бронзовые кроны деревьев, красная мельничная крыша и изумрудные воды источников, розовые скалы и темная зелень деревьев, желтизна мельницы и легкая голубизна моря – все это цветовое богатство приведено к единству тональной живописью, не позволяющей ярким краскам обратиться дробной пестротой колорита [7, с. 38]. Благодаря пышным формам роскошных деревьев и изящной нарядности цветовой гаммы, сохраняется впечатление великолепной декоративной природы. Плавными и «чуткими» к тону мазками художник лепит форму скал, внимательно прослеживая цветовые перепады, и столь же чутко и точно обрисовывает каменистую землю, вдохновенно приписывает розовеющее к горизонту и затемненное в зените небо [7, с. 38].

Мир, творимый К.Ф. Богаевским, – сочиненный. Однако в 1930-х годах пейзажи художника все более «натурализовались» [7, с. 43]. В этой «натурализации» угадывалась изменившаяся подоснова образа, желание художника быстрее соединить воображаемое с реальным и выдать мечтаемое за сущее.

Именно в том смысле и примечательна картина «Старая гавань» (1931), которая не отсылает к воспоминаниям об искусстве [7, с. 44]. Это оригинальный образ, созвучный образному строю произведений другого крымского романтика – А.С. Грина (1880-1932 гг.). Картина как будто натурна и этим своим свойством встает в ряд реалистических пейзажей 1930-х годов, но тональный трепет живописи ставит ее в ряд произведений, в которых происходит романтическое преображение реальности.

Рис 17. К.Ф. Богаевский. *Старая гавань*. 1931 г. Х., м., 71,0 x 196,0 см. Симферопольский художественный музей.

Таким образом, обращение К.Ф. Богаевского к крымскому пейзажу во многом определялось тем, что он был уроженцем Феодосии и прожил здесь всю свою жизнь. Крым и в советское время являлся главной темой в творчестве художника, над которой он работал до самой смерти, последовавшей в 1943 году. Но характер решения этой темы меняется. Художник создает в своих картинах живые, реалистические образы природы, в которых он ищет не «лучезарный мир сказки», как в произведениях 1911-1914 годов, а героику, эпос, большую историю [1, с. 87].

Литература

1. Бащенко Р. Д. Константин Федорович Богаевский // Крым. 1959. – № 23. – С. 81–89.
2. Бащенко Р. Д. К. Ф. Богаевский. – М.: Изобразительное искусство, 1984. – 296 с.
3. Богаевский К. Ф. О композиции в пейзаже // Юный художник. 1939. – № 3. – С. 11–15.
4. Волошин М. А. Константин Богаевский // Аполлон. 1912. – № 6. – С. 5–24.
5. Егорычев В. В. Творчество К.Ф. Богаевского (1872–1943) и русская пейзажная живопись XIX – первых десятилетий XX века: Автореф. дисс. ...канд. искусствоведения 17.00.04, 1981. – 24 с.
6. Константин Федорович Богаевский. – Казань: Изд.-во Центр. музея ТССР, 1927. – 46 с.
7. Манин В. С. Константин Богаевский. – М.: Белый город, 2000. – 63 с.
8. Самохин А. В. Пейзаж как историческая живопись. Средневековая Москва А. М. Васнецова и Киммерия К. Ф. Богаевского // Искусствознание. 2015. – № 1/2. – С. 344–367.

DOI 10.25712/ASTU.2518-7767.2018.01.008

ANCIENT CIMMERIA IN THE CREATIVE WORK OF K. F. BOGAEVSKY

Filippova Olga

Art critic, member of the Association of art historians.

Russia, Moscow.

iscusstvo0891@mail.ru

Abstract

Famous Russian painter, honored artist of the RSFSR K.F. Bogaevsky (1872-1943), was entered in the history of our art, as an outstanding master of landscape painting. Unique originality of the works of K.F. Bogaevsky distinguishes it from other landscape painters who worked in the late of the XIX – early of the XX century. He became the Creator of the heroic-romantic paintings, mainly devoted to the Eastern coast of the Crimea – the legendary country of Cimmeria. The source of inspiration of the artist served the neighborhoods of the ancient Crimean cities – Feodosia, Kerch, Sudak, Bakhchisarai.

Keywords: Russian artist K.F. Bogaevsky, master of landscape painting, Ancient Cimmeria, poetic image of nature.

Bibliographic description for citation:

Filippova O. N. Ancient Cimmeria in the creative work of K.F. Bogaevsky. *Iskusstvo Evrazii – The Art of Eurasia*, 2018, no 1(8), pp. 73-84. DOI: 10.25712/ASTU.2518-7767.2018.01.008. Available at: <https://readymag.com/u50070366/975779/08-2018-filippova/> (In Russian).

References

1. Bashchenko R. D. Konstantin Fedorovich Bogaevskii [Konstantin Fedorovich Bogaevsky]. *Krym – Crimea*, 1959, No. 23, pp. 81-89. (In Russian).
2. Bashchenko R. D. K. F. Bogaevskii [K. F. Bogaevsky]. Moscow, Izobrazitel'noe iskusstvo, 1984. 296 p. (In Russian).
3. Bogaevskii K. F. O kompozitsii v peizazhe [On composition in the landscape]. *Yunyi khudozhnik – Young artist*, 1939, No. 3, pp. 11-15. (In Russian).
4. Voloshin M. A. Konstantin Bogaevskii [Konstantin Bogaevsky]. *Apollon – Apollo*, 1912, No. 6, pp. 5-24. (In Russian).
5. Egorychev V. V. Tvorchestvo K.F. Bogaevskogo (1872–1943) i russkaya peizazhnaya zhivopis' XIX – pervykh desyatiletii XX veka Avtoref. diss. kand. iskusstvovedeniya 17.00.04 [Work of K. F. Bogaevsky (1872-1943) and Russian landscape painting of the XIX – the first decades of the XX century. Author's abstract of PhD in art history]. 1981. 24 p. (In Russian).
6. *Konstantin Fedorovich Bogaevskii* [Konstantin Fedorovich Bogaevsky]. Kazan, Izd. Tsentr. muzeya TSSR, 1927. 46 p. (In Russian).
7. Manin V. S. Konstantin Bogaevskii [Konstantin Bogaevsky]. Moscow, Belyi gorod, 2000. 63 p.
8. Samokhin A. V. Peizazh kak istoricheskaya zhivopis'. Srednevekovaya Moskva. A. M. Vasnetsova i Kimmeriya K. F. Bogaevskogo [Landscape as history painting. Medieval Moscow. Vasnetsov and K. F. Bogaevsky Cimmeria]. *Iskusstvoznanie – Art history*, 2015, No. 1/2, pp. 344–367.

Статья поступила в редакцию 10.02.2018 г.

Received: February 10, 2018